

DOI 10.15826/tetm.2021.1.006

УДК 32.019.51 + 94(470) + 303.446.4 + 81'373.4

Оксана Владимировна Головашина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

«Мемориальные войны»: между метафорой и концептом

Статья посвящена исследованию смыслового поля «мемориальных войн», выявлению предпосылок и моделей концептуализации этого понятия, обоснованию возможности использования метафоры «мемориальные войны» в качестве концепта. Теоретико-методологическая база исследования предполагает обращение к работам М. Фуко, Р. Козеллека, М. Хальбвакса, а также к когнитивным теориям метафор (Д. Лакофф, М. Джонсон, А. П. Чудинов). Анализ существующих моделей изучения истории понятий, а также конкретных социальных и дискурсивных факторов позволил проследить концептуализацию «войн памяти» и констатировать появление соответствующей научной категории, однако необходима дополнительная теоретическая работа, связанная с различением смежных понятий, а также более четким различением метафоры «мемориальные войны» и соответствующей научной категории.

Ключевые слова: войны памяти, мемориальные войны, политика памяти, социальная память, метафоры, концепт

Благодарности: Исследование подготовлено по результатам работ, поддержанных грантом РФФИ (опн) № 20-011-31600 «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве».

Для цитирования: Головашина О. В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 43–52.

Поступила в редакцию: 15.02.2021

Принята к печати: 01.03.2021

Oksana V. Golovashina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

“Memory Wars” between Metaphor and Concept

The article is devoted to the study of the semantic field of “memory wars”, identification of prerequisites and models of conceptualization of this concept, substantiation of the possibility of using the metaphor “memorial wars” as a concept. The theoretical and methodological basis of the research involves reference to the works of M. Foucault, R. Kozellek, M. Halbwachs, as well as to cognitive theories of metaphors (D. Lakoff, M. Johnson, A. P. Chudinov). Analysis of existing models for studying the history of concepts, analysis of specific social and discursive factors allowed us to trace the conceptualization of “memory wars” and to state the appearance of the corresponding scientific category, but additional theoretical work is needed to distinguish related concepts, as well as a clearer distinction between the metaphor “memory wars” and the corresponding scientific category.

Key words: memory wars, politics of memory, social memory, metaphors, concept

For citation: Golovashina, O. V. (2021). "Memorial'nye voyny": mezhdu metaforoi i kontseptom ["Memory Wars" between Metaphor and Concept]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 43–52.

Submitted: 15.02.2021

Accepted: 01.03.2021

Постановка проблемы

Словосочетание «мемориальные войны» или «войны памяти» все чаще появляется на страницах не только интернет-сайтов, средств массовой информации, публицистической литературы, но и академических изданий. Однако семантическое поле этого понятия представляется недостаточно проясненным: разные авторы называют «войнами памяти» фальсификации истории Великой Отечественной войны [Чураков 2015], конфликт интерпретаций внутри страны [Шитов], результат исторической политики, проводимой некоторыми постсоветскими государствами [Герасимчик], процесс взаимных выпадов представителей различных стран по поводу исторических событий (чаще — Второй мировой войны), используют как аналог уже устоявшегося понятия «политика памяти» или яркую метафору. На наш взгляд, эта ситуация может привести к ошибочным толкованиям происходящих процессов и в целом затрудняет исследование современной ситуации в политиках памяти. Анализ смыслового поля «мемориальных войн», изучение различных предпосылок появления и распространения этого понятия в дискурсе о прошлом будет способствовать прояснению некоторых моделей концептуализации понятий и развитию категориального аппарата исследований памяти. Заметим, что нас интересуют не мемориальные войны сами по себе, а понятие о них, истоки и возможные последствия его использования. Также в предлагаемой статье мы не поднимаем вопрос истории понятий, а обращаем внимание на место понятий, в частности «войны памяти», в эпистемологических моделях, определяющих исследовательскую оптику.

Для реализации поставленной цели вначале мы обратимся к существующим моделям изучения истории понятий, рассмотрим их эвристический потенциал, затем проанализируем обоснованные на предыдущем шаге социальные и дискурсивные факторы,

способствующие распространению «войн памяти» как метафоры, в заключение отметим, какие основания позволяют приводить настоящую метафору в качестве концепта.

На интерес к исследованию отдельных концептов и категорий повлияла идея «археологии знания» Мишеля Фуко, обосновавшего, что соотношение «слов» и «вещей» определяется распространенной в тот или иной период эпистемологической моделью. Именно дискурсы, определяемые этими моделями, с точки зрения М. Фуко, формируют реальность. Эта идея легла в основу лингвистической теории понятий, которая получила распространение в исследованиях структуралистов и постструктуралистов. Отдавая должное ее эвристическому потенциалу, мы не считаем подобный подход абсолютно бесспорным, так как исходим из того, что дискурс также находится в поле социального и исследование дискурсивных практик не может быть полным без учета социального контекста; также мы согласны с тем, что свойственный лингвистическим подходам интерпретивизм выводит за скобки социальную каузальность [Шапиро]. Эти замечания, которые не носят характер всеобщей аксиомы, мы считаем вполне корректными для исследования различных вопросов, связанных с изучением коллективной памяти, соответственно подходящими для реализации поставленных в настоящей статье целей.

Исследование истории понятий обычно связывают с двумя направлениями: это сложившаяся на основе работ Р. Козеллека немецкая школа *Begriffsgeschichte* и Кембриджская школа истории понятий, сформированная с опорой на теорию языковых актов Дж. Л. Остина и Дж. Сёрля. Эти направления имеют общий предмет исследования, но разную методологию. Если Рейнхарт Козеллек уделяет внимание изменению смыслов понятий в так называемое «переломное время», то Квентина Скиннера, работающего в русле Кембриджской школы, больше интересует постепенное становление

современных дефиниций и смыслового поля. Среди трудов, опубликованных на русском языке, внимания заслуживают написанная в жанре концептуальной истории работа Б. Г. Капустина [Капустин], серия публикаций, выпущенных издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге [Волков; Кром; Куманьков; Миллер], сборники статей тематических конференций [Исторические понятия...; Очерки исторической семантики...; Понятие государства...]. Основное внимание авторы, занимающиеся историей понятий, уделяют категориям политического языка, стремясь через описания различных вариантов прошлых употреблений исследуемых категорий показать, как социальные, политические изменения оказывают влияние на распространение и использование языковых конструкций. Благодаря подобным работам было проведено важное различие слов как пространств смысловых возможностей и понятий, представляющих собой уже «смысловую наполненность» [Война за память, 8–9].

Социальные основания «войн памяти»

Морис Хальбвакс в своей классической работе [Хальбвакс] настаивал на том, что коллективная память прежде всего определяется социальными условиями. Именно это позволило ему, вслед за своим предшественником Эмилем Дюркгеймом, концептуализировать коллективную память как социальный феномен, исследование которого соответственно должно происходить именно через социальные факторы. Следуя призыву Дюркгейма и Хальбвакса, мы будем исходить из того, что коллективную память вообще и изменение образов прошлого в частности определяет социальный контекст.

Впервые о «войнах памяти» стали говорить в связи с ситуацией демонтажа памятников, посвященных советским воинам, и переосмыслением значения советского периода в истории республик, получивших независимость после распада Советского Союза. Причины распространения этой метафоры можно найти в масштабном праздновании Россией 60-летнего юбилея Победы и развитии национального самосознания, национальной

самоидентификации в молодых республиках. В 2007–2008 гг. более, чем «войны памяти» в публицистике, было распространено словосочетание «война памятников» [Можно ли остановить...; Рыбакова; Скандаль с советским...; Шестернина]. Эмоциональность оценок («Все войны отвратительны. Даже если это всего лишь война памяти. И главное оружие в ней — натянута до предела аргументация охрипло спорящих историков» [Таранова]) не способствовала концептуализации, однако наметила проблемное поле, которым в дальнейшем заинтересовались исследователи. Уже в 2010 г. Александр Эткинд возглавил проект «A Memory War: Cultural Dynamics in Russia, Poland, and Ukraine», получивший рекордное для Кембриджа финансирование (1 млн евро). Масштабная работа, проведенная историками, социологами, филологами, социальными антропологами из различных институтов Западной Европы, была направлена, по словам Эткинды, на исследование «переговоров и сражений о смыслах советского и постсоветского прошлого, разворачивающихся в публичном пространстве между Россией, Украиной и Польшей в последнее десятилетие» [Зверева]. Однако необходимо отметить, что в своих публикациях по итогам проекта [Эткинд; Blacker; Etkind; Rutten, Fedor, Zvereva] исследователи, подчеркивая конфликтный характер мемориального пространства на постсоветском пространстве и Восточной Европы, избегали непосредственной терминологии «войн памяти».

Распространению метафоры «мемориальные войны» способствовало также расширение Европейского союза на восток (2004 и 2007 гг.) и связанная с ним популярность нарратива о двух тоталитаризмах. Большинство из принятых в ЕС государств не были готовы к приятию сложившегося в Западной Европе нарратива о Холокосте и культе покаяния из-за участия жителей этих стран в преследовании евреев и отсутствия соответствующих исторических и культурных оснований. Признание двух тоталитаризмов позволило говорить о жертвах не только со стороны евреев, но и со стороны жителей бывших социалистических стран, которые, в соответствии с этим нарративом, находились под оккупацией советского тоталитарного режима.

В 2008 г. 409 членов Европейского парламента подписали декларацию о провозглашении 23 августа, дня подписания пакта Молотова–Риббентропа, Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. В 2009 г. ОБСЕ приняла Вильнюсскую декларацию, в которой поддержала провозглашение 23 августа Международным днем памяти жертв тоталитаризма, приравняв таким образом нацизм и сталинизм, так как оба этих режима, по мысли авторов декларации, «привели к геноциду, нарушениям прав и свобод человека, военным преступлениям и преступлениям против человечности» [Vilnius Declaration...]. Провозвестником Европейского дня памяти жертв сталинизма и нацизма можно считать День черной ленты, который также отмечается 23 августа: в 1986 г. соответствующие памятные мероприятия прошли в 21 городе, к 1990-м гг. количество городов-участников увеличилось до 56, в том числе из стран Балтии. Масштабные мероприятия, приуроченные к 23 августа, регулярно проводятся в основном в восточноевропейских странах, и их число постоянно растет. В 2019 г. правительства Польши, Румынии, Латвии, Литвы и Эстонии опубликовали совместное заявление, в котором призвали «правительства всех европейских стран оказать как моральную, так и материальную поддержку продолжающемуся историческому расследованию тоталитарных режимов» [Joint Statement...]. Переосмысление собственного прошлого восточноевропейскими странами, прежде всего через культивирование собственной виктимизации, вызвало соответствующую реакцию России. Степень конфликта вокруг общего социалистического прошлого, обоснованное нежеланием России признать нарратив о двух тоталитаризмах, а также активные действия не только политиков, но и публицистов, общественных деятелей, граждан позволили исследователям неоднократно маркировать текущую ситуацию как «войны памяти».

Если в середине 2000-х гг. термин «войны памяти» употреблялся по отношению к постсоветскому пространству, то сейчас можно говорить и о распространении войн памяти в России. Немецкий историк Марк Эделе связывает символический переход российской исторической политики на следующий этап с вынесением в 2015 г. Владимиру Лузгину

первого приговора по закону о противодействии реабилитации нацизма (ч. 1, ст. 354.1 УК РФ) [Edele, 93]. На наш взгляд, это скорее свидетельствует об институализации этого этапа, так как, хотя закон был принят в 2014 г., после нашумевшего опроса радиостанции «Дождь», его разработка велась за несколько лет до этого. Скорее принятие мемориального закона и активное его применение свидетельствуют о необходимости, сохраняя риторику данного дискурса, нанести превентивный удар, если войны памяти перенесутся с постсоветского и европейского пространства в Россию. Однако мы согласны с тем, что развитие институционального аспекта мемориальных войн может свидетельствовать о том, что они перестают быть просто метафорой, а оказываются действующим объектом современного пространства работы с прошлым.

Таким образом, к социальным основаниям повышения внимания к «войнам памяти» мы относим интенсивное развитие национального самосознания в постсоветских и постсоциалистических республиках, интеграционные процессы в Европейском союзе, которые выступили причиной актуализации и институализации нарратива о двух тоталитаризмах, наличия конфликтного потенциала исторических повествований внутри страны.

Дискурсивные основания «войн памяти»

Сложившаяся в классической научной парадигме точка зрения на то, что язык науки, цель которого состоит в представлении максимально точной и соответствующей действительности информации, не может допускать образных средств, уже в течение XIX в. подвергалась пересмотру. Философы-романтики подчеркивали, что метафора выступает в качестве главного (или единственного) способа выражения мысли; Фридрих Ницше настаивал, что любое познание может быть только метафоричным; исследователи XX в. обратили внимание на дологические способы познания и обосновывали метафорическое освоение мира [Гусев; Abraham; Hoffman]. Однако, не отрицая когнитивный потенциал метафоры, мы считаем, что метафоры или дают толчок дальнейшим исследованиям, или, при их постоянном использовании, становятся

концептами, то есть метафоры — это скорее инструмент, а не результат научного познания.

В основе использования метафоры, как в бытовом, так и в художественном и научном дискурсе, лежит идея подобия. «Относя чувственно воспринимаемый признак к отвлеченным и непосредственно ненаблюдаемым объектам, когнитивная метафора выполняет гносеологическую (познавательную) функцию. Она формирует область вторичных предикатов — прилагательных, глаголов, характеризующих непредметные сущности, свойства которых выделяются по аналогии с доступными восприятию признаками физических предметов и наблюдаемых явлений» [Abraham, 54]. То есть характеристики, качества, свойственные одной области, могут переноситься на другую область, в которой ранее они не употреблялись. В большинстве случаев речь идет о том, что понятия, доступные чувственному восприятию и опыту, переносятся на довольно абстрактные категории, понимание которых может быть затруднено. Большинство терминов, распространенных в естественно-научном дискурсе, первоначально представляли собой метафоры, однако метафоры распространяются и в социальном знании.

«Война» — одна из самых эвристичных метафор в теории познания; в ее распространенности и популярности, на взгляд некоторых теоретиков, проявляется милитаризация российского сознания [Будаев, Чудинов; Караулов, Филиппович; Чудинов; Balabanov, Pashyna, Lysak]. Использование этой метафоры диктует необходимость обращения к таким связанным с войной понятиям, как «вооруженная борьба», «столкновение», «уничтожение», «захват», «освобождение», а также подразумевает использование слов и словосочетаний, определяющих место проведения боевых действий («граница», «фронт», «минное поле» и др.), понятий военного искусства («стратегия», «тактика»), результатов и процессов военных действий («победа», «поражение», «трофей», «мобилизация», «оборона» и др.), участников боевых действий («армия», «солдат», «командир»).

Особенность использования метафоры в любом виде дискурса состоит в том, что метафора обязательно несет за собой дополнительные смыслы, также связанные с этим семантическим полем. Если мы говорим

о «войнах памяти», то дискурс начинает строиться с использованием понятий «агрессор» и «обороняющийся», «потери», «стратегические рубежи» [Чураков 2018, 422], «мобилизация» [Тимофеев], «враги» и «победители» [Колодий]. Историк, в соответствии с этим дискурсом, как бы меняет свою роль исследователя и становится солдатом (или офицером) на мемориальных войнах. Возможность истории, полностью независимой от политики, отрицается [Бордюгов, 8]. Однако непроработанность метафоры проявляется в том, что разговор из дискурса войны возвращается в дискурс политики памяти или информационных войн; авторы говорят о «преодолении всего советского и имперского» [Там же, 15], о влиянии мемориальных войн на процесс идентификации [Там же].

Как метафора «война памяти» пришла в современный дискурс исследований памяти через категории «информационная война» и «политика памяти», которые также изначально существовали в дискурсе ученых в качестве метафор. В отличие от «информационной войны» «войны памяти» подразумевают, что борьба ведется не только в информационном поле. Про «войны памяти» говорят, когда разрушают памятники, принимаются законы, за нарушение которых люди могут получить реальные штрафы или подвергаться уголовному преследованию. Несмотря на то что вести речь об информационных войнах можно начиная еще с Античности [Васильев, Подсохин], понятие пришло к нам из дискурса американских военных в конце 1990-х — 2000-е гг. Сейчас, в том числе благодаря наличию большого количества переводной литературы и активной работы с этим термином представителей разных дисциплин, можно говорить о том, что информационные войны представляют собой достаточно проработанный в исследовательской литературе концепт, несмотря на частое его использование публицистами. Содержание понятия «информационные войны» связано с различными формами манипуляции общественным мнением, наличием конфликта, целей, часто «военно-политических», достижением безопасности, защитой.

В отличие от «политики памяти» «мемориальные войны» связаны не только с политическими решениями, но и с действиями обычных

людей, носителей какого-либо образа прошлого. Поле «мемориальных войн» не ограничивается определением стратегий отношения к прошлому. «Войны памяти» предполагают наличие конфликта, разрешение которого связано с использованием всех возможных ресурсов. Продолжая метафору, «мемориальные войны» начинаются тогда, когда конфликт выходит за рамки возможностей только политических решений. Если мы говорим о политике (в том числе о политике памяти или исторической политике), то подразумеваем, что ее главным актором оказывается государство. Однако война касается всех жителей государства, и у среднего жителя какой-либо страны оказывается больше возможностей для активного участия в войне, чем в политике. Государство принимает мемориальные законы и отвечает за содержание учебников, но разрушение памятников далеко не всегда выступает его идеей.

Под государством, как показал О. Хархордин, в современном его значении имеется в виду субъект действий, агент [Хархордин, 66]. Политика памяти, в соответствии с такой трактовкой государства, оказывается обусловленной «государственными интересами», своеобразным прочтением идеи общего блага (например, общее благо как необходимость в безопасности), представление о котором оказывается не тождественным частным интересам и принятым моральным нормам. При этом, как правило, предлагается только одна интерпретация «общего блага» как единственно верная. Подчинение каким-либо решениям политики памяти представляет собой не акт сознательного выбора, а, как можно предположить со ссылкой на П. Бурдьё, обусловлено всем течением повседневной жизни [Бурдьё, 153–155]. Человек не осознает структурирующих аспектов работы институтов, акторов, определяющих то, что он называет государством, за исключением тех моментов, когда какие-либо их аспекты разрушаются или резко проявляются не так, как было привычно в повседневной жизни.

Различение государства и общества не входит в задачи предлагаемой статьи, однако нам представляется важным постулировать существование границы между политической элитой, принимающей решения, в том числе

связанные с определением стратегий политики памяти, и гражданским обществом, которое также может выступать в качестве агента «войн памяти». В основе осмысления «общества» и «государства» как определенных антиподов лежит заложенная еще Дж. Локком идея о естественном дополитическом состоянии человека, то есть положение до общественного договора, положившего начало государству. В «мемориальных войнах» агентом, субъектом действий могут быть как государство, так и общественные институты или отдельные граждане.

Таким образом, распространение метафоры «мемориальные войны» приводит к активизации военной лексики в дискурсе о памяти. Понятие «войны памяти» связано с категориями «информационные войны» и «политика памяти», но не тождественно им; анализ существующих трактовок государства и дискурса мемориальных войн позволяет констатировать активность других агентов, кроме государства, в поле дискурса о прошлом.

От метафоры к концепту

В истории понятий, по мысли Р. Козеллека, проявляется и политическая история, и история опыта [Козеллек]. Как правило, понятия сами по себе не имеют раз и навсегда данного им значения, а меняют семантическое поле в зависимости от того, в каком контексте это понятие употребляется. Поэтому возможно использование одинаковых понятий в различных эпистемологических моделях [История понятий...], однако таким образом смысл понятия размывается, а его концептуализация оказывается затрудненной. Особенно эти сложности проявляются на той стадии, когда распространение какой-либо метафоры в научном знании приводит к ее постепенной концептуализации.

«Мемориальные войны» или «войны памяти» в современном социально-гуманитарном дискурсе перестают быть метафорой и все чаще работают в качестве концепта. Признавая определенную дискуссионность существующих определений концепта, в предлагаемой статье под концептом мы имеем в виду определенные универсалии, которые замещают нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же

рода» [Аскольдов-Алексеев, 267–268]. О концептуализации «войн памяти» можно говорить, когда они рассматриваются как «особая форма идеологических войн» [Чураков 2018, 422], «борьба за использование и интерпретацию визуальных образов памяти» [Тимофеев, 46], «столкновение различных интерпретаций советского и постсоветского прошлого» [Зверева]. Ключевым понятием, определяющим «мемориальные войны», оказывается «историческая правда» («историческая истина»), которая, по мысли авторов, выступает синонимом понятия «исторический факт», «борьба», «конфликт»; «войны памяти» определяются через «информационные», «идеологические» войны, как одно из проявлений политики памяти.

Переход от метафоры к концепту связан с несколькими этапами. Сначала происходит различение сферы, откуда происходит метафора, и сферы, где она употребляется. Можно констатировать, что этот этап в целом завершился, потому что произошло различение информационных войн, политики памяти и войн памяти. Далее начинается этап концептуализации, когда метафора верифицируется в различных полях ее употребления. Третий этап преобразования метафоры в научное

понятие связан с развитием системы различения первоначального слова/словосочетания и термина, употребляемого как научная категория. На данном этапе сложно говорить о наличии такого различения.

В 2003 г. В. А. Шнирельман выпускает книгу «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», впервые допустив использование этого сочетания в научном дискурсе, однако в монографии нигде это словосочетание больше не встречается. В 2010 г. наряду с «войнами памяти» исследователи говорят о «сражениях за память», «войнах воспоминаний» [Зверева], «войнах за память» [Война за память]. Сейчас практически всегда употребляется словосочетание «войны памяти».

Таким образом, употребление словосочетания «войны памяти» как метафоры вполне соответствует так называемому аффективному менеджменту истории [Oushakine], однако все более усиливающееся распространение этого понятия в научном дискурсе, работа с ним профессиональных исследователей способствуют концептуализации войн памяти, появлению такой категории со своим довольно четким содержанием, смысловым полем, различением со смежными категориями.

Список литературы

- Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста : ант. / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
- Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 56–70.
- Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2007. С. 153–155.
- Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10–16.
- Война за память // АТН: новости Беларуси и мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=waT8P5ASulE> (дата обращения: 19.10.2020).
- Волков В. Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.
- Герасимчик В. «Война памяти»: Как изменилось восприятие общей истории гражданами постсоветских стран // Евразия-эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/voyna-pamyati-kak-izmenilos-vozpriyatie-obshchey-istorii-grazhdanami-postsovetskikh-stran/> (дата обращения: 19.10.2020).
- Гусев С. С. Наука и метафора. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984.
- Зверева В. Сражения за память, войны воспоминаний: Научный семинар «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине» // Журнальный зал [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/srazheniya-za-pamyat-voyny-vozpominaniy-nauchnyj-seminar-vojna-pamyati-kulturnaya-dinamika-v-rossii-polshe-i-ukraine.html> (дата обращения: 19.10.2020).
- Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков : сб. науч. работ. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Алетей, 2006.
- История понятий, история дискурса, история метафор / под ред. Х. Э. Бедекера. М. : Новое лит. обозрение, 2010.
- Капустин Б. Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М. : Территория будущего, 2010.

- Карцулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М. : Азбуковник, 2009.
- Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Алетей, 2006. С. 33–53.
- Колодий Н. А. Лабиринт памяти — места памяти — война памяти: опыт истолкования // Вестн. наук Сибири. 2013. № 1 (7). С. 240–245.
- Кром М. Патриотизм, или Дым Отечества. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.
- Куманьков А. Война, или В плену насилия. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.
- Миллер А. Нация или могущество мифа. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019.
- Можно ли остановить «войну памятников» в Европе // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20071102/86273530.html> (дата обращения: 19.10.2020).
- Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М. : Языки славян. культуры, 2009.
- Понятие государства в четырех языках. М. : Летний сад ; СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2002.
- Рыбакова М. Памятный визит // РБК Daily [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2007/05/23/focus/276859> (дата обращения: 19.10.2020).
- Скандал с советским кладбищем: случайность или закономерность? // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20080201/98177466.html> (дата обращения: 19.10.2020).
- Таранова Э. У прошлого в плену // РИА-новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20080722/114612612.html?all> (дата обращения: 19.10.2020).
- Тимофеев М. Ю. «Войны памяти»: монумент «Родина-мать зовет!» в современной мемориальной политике // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 45–58.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007.
- Хархордин О. Х. Основные понятия российской политики. М. : Новое лит. обозрение, 2011.
- Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013.
- Чураков Д. О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом : сб. ст. / под ред. К. А. Пахалюка. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018.
- Чураков Д. О. Войны памяти: отстоять правду победы // Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 7–24.
- Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- Шестернина Е. «Бронзовый солдат»-2. Теперь в Препаре // Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article3106120/?print> (дата обращения: 19.10.2020).
- Шутов А. Войны памяти: Почему они захлестнули Америку // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/8839735> (дата обращения: 19.10.2020).
- Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. М. : Новое лит. обозрение, 2016.
- Abraham W. A linguistic approach to metaphor. Lisse : De Ridder Press, 1975.
- Balabanov K., Pashyna N., Lysak V. Regional Identity in Ukraine: Formation Factors and Functions // Studia Politica. 2019. Vol. 19, № 3–4. P. 491–513.
- Blacker U. Memory and Theory in Eastern Europe. London : Palgrave-Macmillan, 2013.
- Edele M. Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of world War II // History A. Memory. Bloomington (in). 2017. Vol. 29, № 2. P. 90–124.
- Etkind A., Finnin R., Blacker U. Remembering Katyn. Malden: John Wiley & Sons, 2012.
- Hoffman R. R. Metaphor in science // Cognition and figurative language. Hillsdale. New Jersey : Erlbaum, 1980.
- Joint Statement by Estonia, Latvia, Lithuania, Poland and Romania on the occasion of 80 years since the signing of Molotov-Ribbentrop Pact // Gov.pl [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/joint-statement-by-estonia-latvia-lithuania-poland-and-romania-on-the-occasion-of-80-years-since-the-signing-of-molotov-ribbentrop-pact> (mode of access: 19.10.2020).
- Oushakine S. Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. № 1. P. 269–302.
- Rutten E., Fedor J., Zvereva V. Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States (Media, War and Security). London : Routledge, 2013.
- Vilnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and resolutions adopted at the eighteenth annual session // OSCE PA [Electronic resource]. URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (mode of access: 19.10.2020).

References

- Abraham, W. A. (1975). *Linguistic Approach to Metaphor*. Lisse: De Ridder Press.
- Askol'dov-Alekseev, S. A. (1997). Kontsept i slovo [The Concept and the Word]. In Neroznaka V. P. *Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya*, 267–279. Moskva: Academia.
- Balabanov, K., Pashyna, N., Lysak, V. (2019). Regional Identity in Ukraine: Formation Factors and Functions. *Studia Politica*, 19, 3–4, 491–513.
- Blacker, U. (2013). *Memory and Theory in Eastern Europe*. London: Palgrave Macmillan.
- Bodeker, H. E. (2002). Ausprägungen der Historischen Semantik in der Historischen Kulturwissenschaften. In *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte*, 7–27. Göttingen: Wallstein.

- Bordyugov, G. A. (2011). "Voyny pamyati" na postsovetском prostranstve. ["Memory wars" in the Post-Soviet Space]. Moskva, AIRO-XXI.
- Bourdieu, P. (2007). Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya [The Spirit of the State: the Genesis and Structure of the Bureaucratic Field]. In *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*, 153–155. Moskva: Institut eksperimental'noi sotsiologii ; Sankt-Peterburg: Aleteiya.
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2020). Politicheskaya metaforologiya na sovremennom etape razvitiya (2010–2019 gg.) [Political Metaphorology at the Present Stage of Development]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 3, 56–70.
- Chudinov, A. P. (2013). *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo pedagogicheskogo universiteta.
- Churakov, D. O. (2018). "Voyny pamyati" i lokal'nye konflikty sovremennosti ["Wars of Memory" and Local Conflicts of Our Time]. In *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom*, 421–431. Moskva, Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.
- Churakov, D. O. (2015). Voyny pamyati: otstoyat' pravdu pobedy [Memory Wars: Defend the Truth of Victory]. *Gumanitarnye nauki*, 1, 7–24.
- Edele, M. (2017). Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of world War II. *History A. Memory*. Bloomington (in), 29, 2, 90–124.
- Etkind, A. (2016). *Krivo gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [Memory of the unburi]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Etkind, A., Finnin, R., Blacker, U. (2012). *Remembering Katyn*. Malden: John Wiley & Sons.
- Gerasimchik, V. "Voyna pamyati". Kak izmenilos' vospriyatie obshchei istorii grazhdanami postsovetских stran ["War of Memory". How Has the Perception of Shared History Changed Among Citizens of Post-Soviet Countries]. In *Evrasiya-ekspert* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://eurasia.expert/voyna-pamyati-kak-izmenilos-vospriyatie-obshchei-istorii-grazhdanami-postsovetских-stran/> (mode of access: 19.10.2020).
- Gusev, S. S. (1984). *Nauka i metafora* [Science and Metaphor]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Halbwachs, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Frameworks of Memory]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- Hoffman, R. R. (1980). Metaphor in Science. *Cognition and figurative language*, 47–67. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum.
- Joint Statement by Estonia, Latvia, Lithuania, Poland and Romania on the occasion of 80 years since the signing of Molotov-Ribbentrop Pact // *Gov.pl* [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/joint-statement-by-estonia-latvia-lithuania-poland-and-romania-on-the-occasion-of-80-years-since-the-signing-of-molotov-ribbentrop-pact> (mode of access: 19.10.2020).
- Kapustin, B. G. (2010). *Kritika politicheskoi filosofii: Izbrannye esse* [Criticism of Political Philosophy]. Moskva: Territoriya budushchego.
- Karaulov, Yu. N., Filippovich, Yu. N. (2009). *Lingvokul'turnoe soznanie russkoi yazykovoi lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguocultural Consciousness of the Russian Language Personality. State and Function Modeling]. Moskva: Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik".
- Kharkhordin, O. (ed.) (2002). *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh* [The Concept of State in Four Languages]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kharkhordin, O. (2011). *Osnovnye ponyatiya rossiiskoi politiki* [Basic Concepts of Russian Politics]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Koposov, N. E., Krom, M. M., Potapova, N. D. (ed.) (2006). *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka: Sb. nauch. Rabot* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia of the XVI–XX Century]. Sankt-Peterburg: Aleteiya.
- Kozellek, R. (2006). Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatii [Social History and the History of Concepts]. In *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka*, 5, 33–53. Sankt-Peterburg: Aleteiya.
- Kolodii, N. A. (2013). Labirint pamyati — mesta pamyati — voyna pamyati: opyt istolkovaniya [Labyrinth of Memory — Places of Memory — War of Memory: Experience of Interpretation]. *Vestnik nauk Sibiri*, 1 (7), 240–245.
- Krom, M. (2020). *Patriotizm ili Dym Otechestva* [Patriotism or the Smoke of the Fatherland]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kuman'kov, A. (2020). *Voyna ili Vplenu nasiliya* [War or in Captivity of Violence]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Miller, A. (2019). *Natsiya ili mogushchestvo mifa* [Nation or the Power of Myth]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Mironova, D. M. (2020). K voprosu o sistemologicheskoi adekvatnosti kognitivnogo podkhoda k yazyku [On the Question of the Systemological Adequacy of the Cognitive Approach to Language]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 63, 64–82.
- Mozhno li ostanovit' "voynu pamyatnikov" v Evrope [Can the "War of Monuments" in Europe be Stopped]. *RIA Novosti* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20071102/86273530.html> (mode of access: 19.10.2020).
- Oushakine, S. (2013). Remembering in Public: On the Affective Management of History. *Ab Imperio*, 1, 269–302.
- Rutten, E., Fedor, J., Zvereva, V. (2013). *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States (Media, War and Security)*. London: Routledge.
- Rybakova, M. (2007). Pamyatnyi vizit [Memorable visit]. *RBK Daily* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2007/05/23/focus/276859> (mode of access: 19.10.2020).
- Shapiro, I. (2011). Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh [Escape from Reality in the Humanities]. Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Shesternina, E. Bronzovyi soldat-2. Teper' v Prage [Bronze soldier-2. Now in Prague]. *Izvestiya* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article3106120/?print> (mode of access: 19.10.2020).
- Shitov, A. Voyny pamyati. Pochemu oni zakhlestnuli Ameriku [Memory Wars. Why did they Overwhelm America]. TASS. URL: <https://tass.ru/opinions/8839735> (mode of access: 19.10.2020).

Skandal s sovetskim kladbishchem: sluchainost' ili zakonomernost'? [The Scandal with the Soviet Cemetery: Chance or Regularity?] In *RIA Novosti*. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20080201/98177466.html> (mode of access: 19.10.2020).

Taranova, E. U proshlogo v plenu [The Past in Captivity]. *RIA-novosti* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ria.ru/20080722/114612612.html?all> (mode of access: 19.10.2020).

Timofeev, M. Yu. (2017). "Voyny pamyati": monument "Rodina-mat' zovet!" v sovremennoi memorial'noi politike ["Wars of Memory": the Monument "Motherland Calls!" in Modern Memorial Politics]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 1, 45–58.

Vasil'ev, A. D., Podsokhin, F. E. (2016). Informatsionnaya voyna: lingvisticheskii aspekt [Information War: a Linguistic Aspect]. *Politicheskaya lingvistika*, 2 (56), 10–16.

Vilnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and Resolutions Adopted at the Eighteenth Annual Session. OSCE PA [Electronic resource]. URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (mode of access: 19.10.2020).

Voina za pamyat' [The War for Memory]. In *ATN: novosti Belarusi i mira*. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=waT8P5ASulE> (mode of access: 19.10.2020).

Volkov, V. (2020). *Gosudarstvo ili Tsena poryadka* [The State or Price of Order]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Zvereva, V. (2011). Srazheniya za pamyat', voyny vospominanii. Nauchnyi seminar "Voina pamyati: kul'turnaya dinamika v Rossii, Pol'she i Ukraine" [Battles for Memory, Wars of Memories. Scientific Seminar "War of Memory: Cultural Dynamics in Russia, Poland and Ukraine"]. In *Zhurnal'nyi zal* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/srazheniya-za-pamyat-voyny-vospominanij-nauchnyj-seminar-vojna-pamyati-kulturnaya-dinamika-v-rossii-polshe-i-ukraine.html> (mode of access: 19.10.2020).

Zhivov, V. M. (2009). *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on Historical Semantics of the Early Modern Russian Language]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Сведения об авторе

Головашина Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Oksana V. Golovashina, Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow at of the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation